

Н.А. Б а л ю к

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН В XVII–XVIII вв. ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАУРАЛЬЯ

Материалы настоящей статьи касаются хозяйственно-имущественного положения сибирского крестьянства в период становления земледелия в Сибири. Земледельческое хозяйство за Уралом развивалось не на пустом месте: оно внедряло те традиционные обычно-правовые нормы поземельных отношений, которыми руководствовались (приспосабливая их к местным условиям) переселенцы из Европейской России еще на своих исконных местах.

Знание пути развития аграрных отношений в русской государственной деревне, имевших много общего с таковыми на всей огромной территории России, может помочь решению современных земельных вопросов, особенно по части споров о частнособственнических, наемных и арендных отношениях. В настоящее время очень остро стоят вопросы о крестьянском землепользовании, о поднятии современного сельского хозяйства. Несмотря на принятие земельных законов, упорядочения в земельной сфере пока не произошло. В ряде случаев это происходит потому что авторы проектов не знают, как развивалось в различных районах страны крестьянское землевладение и землепользование в разные исторические периоды, на чем они базировались.

На современном этапе проблема расслоения крестьянской среды отнесена к числу наиболее актуальных¹. В отечественной историографии эта тема рассматривалась с позиций классового подхода, предполагавшего, что имущественная дифференциация на определенном этапе развития обязательно ведет к социальному расслоению сельского общества². Однако локальная специфика рассматриваемого региона (замедленные темпы развития сельскохозяйственной отрасли, общее состояние рыночной инфраструктуры, степень включения крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения) определяла особую природу имущественного и социального расслоения зауральской государственной деревни, а также динамику этого процесса.

Для понимания сущности расслоения в аграрной сфере Зауралья предпринята попытка реконструкции имущественного положения крестьян и выявления основных факторов, влиявших на формирование экономического базиса крестьянского хозяйства в условиях вновь осваивавшейся территории. В этой связи логично рассмотрение проблемы от начального этапа становления крестьянского хозяйства. Материалы дозорных книг первой четверти XVII в. по Верхотурскому, Тобольскому, Тюменскому и Туринскому уездам показывают, что в новых местах экономика земледельческих хозяйств изначально строилась на основе денежных дотаций, предоставляемых государством, и возможности «работы на себя» без уплаты налогов в течение нескольких лет³. Новопоселенцам также выдавалась «подмога», которая состояла из безвозвратного денежного пособия или натуральной помощи, «чтобы двором поселица, пашни распашать и всяким крестьянским заводом завестися»⁴. На первых порах разницу в материальном положении хозяйств могло составлять количество привезенного в Сибирь имущества, орудий труда и денежных сбережений.

Ведущую роль в развитии экономики крестьянского хозяйства играла семья, выступающая в качестве производственной общности. В первой четверти XVII в. для районов массового оседания земледельческого населения (среднее Прииртышье) было характерно преобладание одиноких поселенцев и семей малой формы, что хорошо прослеживается по материалам Тобольского у. (табл. 1). Как видим из таблицы, из 290 дворохозяев, учтенных в дозорной книге, 190, т.е. 65,5% составляли одинокие хозяева. Структура малой семьи, в общей сложности составлявшей 34,5% от всех дворохозяев, была неоднородна: 47 семей (16,2%) – родители с детьми; 8 семей (2,8%) – супруги без детей, в числе которых могли быть супружеские пары, дети которых уже вышли из дома и создали

Структура крестьянской семьи в Тобольском у. в первой четверти XVII в.*

Дворохозяйства	Одинокие		Малые семьи				Сложные семьи				Всего	
	число	%	Родители-дети		Супруги		Братья-дети		Братские дворы "с товарищи"		число	%
			число	%	число	%	число	%	число	%		
Служилые люди	91	84,3	2	1,9	3	2,8	8	7,3	4	3,7	108	100
Посадские люди	27	90,0	2	6,7	1	3,3	—	—	—	—	30	100
Пашенные крестьяне	46	47,4	29	30,0	—	—	17	17,4	5	5,2	97	100
Оброчные крестьяне	19	45,2	14	33,4	—	—	7	16,6	2	4,8	42	100
Монастырские крестьяне	7	53,8	—	—	4	30,7	2	15,5	—	—	13	100
Всего	190	65,5	47	16,2	8	2,8	34	11,7	11	3,8	290	100

* Таблица составлена по материалам РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 76 об.–180.

свои семьи. Немалую долю составили семьи сложного типа: братские – из братьев с детьми (34 или 11,7%) и семьи братьев «с товарищи», проживающие в их дворах (11 или 3,8%). Образование таких производственных сообществ было характерно для заселявшейся в тот период лесотаежной зоны. Нередко источники фиксируют наличие в таких семьях не только родственников, но и «товарищей», что в большей мере практиковалось в среде служилых и посадских людей, менее у пашенных крестьян⁵. Таким образом, среди семей можно выделить следующие группы: 1) родители с детьми (отец – сын); 2) супруги без детей (муж – жена); 3) братская родственная семья (брат – брат с детьми); 4) корпоративная семья, объединявшая братские дворы «с товарищи».

По данным дозорных книг и сметных списков XVII в. в уездах Тобольского разряда в одном крестьянском дворе в среднем проживало от 2 до 5 человек мужского пола. Например, «Микифорка Семенов (д. Киселева Тобольского у. – Н.Б.) женат, родом из Муромы, у него сын 5 лет да две дочери»; «Богдашко Иванов (той же деревни. – Н.Б.) родом из Ярославля, женат, детей у него двое, сын 11 годов, дочь 9 годов»⁶. В некоторых дворах количество трудоспособных членов семьи доходило до 10 человек. Так, в деревне на Ближнем Сузгуне у Тростяного озера «во дворе оброчного крестьянина Смирко Емельянова дети Гаврилко да Сережка да Ефимко да Ивашка да Спирка да Офонко да Митка да Тимошка да Ивашка ж все в работе»⁷. В Верхотурском у. средняя численность трудоспособных членов семьи в одном дворе составляла 1,5 чел. мужского пола⁸. Недостаток тяглой силы и людских ресурсов в первой половине XVII в. сказывался на обработке *новины* – целинных земель.

Тенденция увеличения размеров крестьянских семей, наиболее сильно проявившаяся во второй половине XVII в., была обусловлена не только естественным приростом и подворным налогообложением. В условиях Зауралья, ввиду трудоемкости земледельческого труда, предпосылки для образования крупных корпоративных семей, функционирующих на принципах производственной общности, закладывались изначально. Постепенно возникали семьи со сложной структурой – из отеческих семей («отеческого печища») и проживающих вместе с ними семей взрослых детей. Усложнялись и братские семьи. При этом семья сохраняла свою целостность как производственная общность, занимаясь ведением совместного хозяйства и обработкой общих земельных владений. Примером тому может служить семейство Патрахиных из одноименной деревни Тобольского у. В 1624 г. братья Иван и Дмитрий Патрахины жили одним двором и несли общее тягло⁹. В сметных списках 1678 г. в д. Патрахиной было учтено 4 двора, где проживала сыновья братьев Ивана и Дмитрия Патрахиных: «во дворе Афанасия Дмитриева сына Патрахина, живущего своим двором, владеющего отцовскою землею вообще с братом своим (двоюродным. – Н.Б.) Юшкой Ивановым сыном Патрахиным и детми

Ивашкой 30 лет, Коземкой 25 лет, Якушкой 16 лет, у Ивашко ж сын Сенка 10 лет, у Коземки сын Онтошка 4 лет». Как следует из документа, в этом хозяйстве обрабатывалось «пашни паханые средние земли 15 десятин в поле, а в дву потому ж»¹⁰. Последнее – указывало на наличие парового земледелия и полей – озимого и ярового. Двор второго брата – Юды Патрахина включал 4 неразделенных хозяйства его родных братьев, где, кроме главы семейства, проживало 9 трудоспособных членов семьи¹¹. За этим хозяйством пашенной земли числилось 18 десятин в поле, «а в дву потому ж». В среднем на одного члена семьи приходилось по две дес. пашенной земли.

Формирование земледельческого комплекса в государственной деревне проходило в условиях относительного малоземелья, обусловленного, с одной стороны, высокой обеспеченностью земель, с другой – неравномерным производительным потенциалом. По обобщенным данным, в Тобольском и Тюменском уездах в XVII в. на один двор у оброчных крестьян приходилось «пашни 16 четей в поле, а в дву потому ж», «пашенного леса дубровы» 8 десятин, перелога 1,6 десятины, «поскотинных земель» 3,6 десятины¹².

У пашенных крестьян размеры земельных наделов колебались от 1 до 24 четей в поле, «а в дву потому ж», «пашенного лесу дубровы» от 1 до 27 десятин¹³. В пользовании основной части слободских крестьян, проживающих в южной зоне в междуречье Тобола и Туры, во второй половине XVII в. размеры земельных наделов на один двор были выше – от 18 до 30 четей в поле, «а в дву потому ж»¹⁴. По данным Н.А. Миненко, в начале XVIII в. в районах среднего Прииртышья на семью из двух взрослых работников приходилось 16% посевных площадей размером более 5 четвертей (т.е. посевная площадь определялась по количеству высеянного зерна); на троих соответственно 20%; четверых – около 48,8%; пятерых – около 60%. Крупные семьи высеивали не менее 9 четвертей¹⁵. В зоне, благоприятной для хлебопашества, на одну семью из пяти человек для обеспечения годовой нормы потребления хлеба в среднем требовалось 1,93 десятины пашни. В районах рискованного земледелия земельный надел в одну–две десятины обеспечивал внутренние годовые потребительские нормы семьи из двух–трех человек¹⁶.

Рассматривая нормы потребления хлеба в крестьянской семье, следует отметить, что там, где производилось избыточное количество хлеба, годовой расход на одного едока составлял 25 пудов¹⁷. Но эта норма была присуща непосредственным производителям хлеба. Дворы, где хозяева работали по найму, потребляли хлеба гораздо меньше. Годовая норма потребления на одного едока в «непашенном» хозяйстве колебалась, в зависимости от возраста, от 9 до 17 пудов. В северных районах Тюменского, Тобольского и Тарского уездов на одного члена семьи, включая детей старше 14 лет, расход хлеба составлял 14–16 пудов в год¹⁸.

Уровень обеспечения потребительских норм семьи в хлебе находился в прямой зависимости от размеров земельного надела и производительных сил хозяйства. Так, семье из пяти человек в северных районах Зауралья для обеспечения внутренних потребностей необходимо было иметь не менее двух лошадей, засеивать около двух десятин ржи и одну десятину гречихи¹⁹. В южных районах нормы годовой потребности в хлебе для семьи из пяти человек определялись размером посевой площади в три десятины ржи и ячменя и наличием двух–трех рабочих лошадей²⁰. В районах трехпольного хозяйства, которое в чистом виде практиковалось в ряде селений Верхотурского и Тобольского уездов, норма земельного надела на одну большую семью из 10–12 человек составляла 12–15 десятин, при содержании пяти хороших сытых лошадей. Если в хозяйстве имелось пять средних лошадей, размер земельного надела снижался до 7–10 десятин. На три таких лошади норма надела в хозяйстве составляла 4–6 десятин, на две – соответственно две–три десятины, на одну лошадь – одну десятину²¹. В Тобольском у. на один двор в первой четверти XVII в. приходились в среднем: одна лошадь, три–семь голов крупного рогатого скота, две свиньи²². Однако следует отметить, что данные о численности рабочего и продуктивного скота в хозяйствах фиксировались эпизодически. Отдельные сведения выявлены в подворной книге вотчин Тобольского Софийского Дома за 1623 г.²³ Например, во дворе Тимошки Иевлева, проживавшего в д. Комарице Тобольского у., «скота ... одна кобыла, да корова, да двое телят, да две свиньи годовые». В той же д. у

Богдашки Мошеника «во дворе лошадь, две коровы, четверо телят, свинья дву годов»²⁴. В целом в д. Комарице средняя численность поголовья скота в одном хозяйстве колебалась от трех до шести голов.

Для определения количества скота в рамках уезда нами предпринята попытка реконструкции этого показателя по количеству заготавливаемого сена (копен), так как эти данные регулярно фиксировались в документах при описании крестьянских дворов. Обобщение материалов дозорной книги по Тобольскому у. за 1623–1624 гг. показало, что среднее количество сена, заготавливаемого на одно хозяйство, составляло от 50 до 250 копен²⁵. Исходя из того, что годовая потребность в сене одной рабочей лошади составляла 20 копен (т.е. 120 пудов)*, конского молодняка соответственно – 10 копен (60 пудов), коровы – 16 копен (96 пудов), теленка – 8 копен (48 пудов), средняя численность поголовья в одном хозяйстве колебалась от 2 до 10 голов взрослого скота и молодняка²⁶. Например, крестьянин, заготовивший 100 копен сена, мог содержать две рабочих лошади, одну голову конского молодняка, две коровы и одного теленка.

Уже в XVII в. в среде сибирского крестьянства стал выделяться слой «прожиточных людей»²⁷. Некоторые хозяйства поставляли на рынок излишки хлеба, держали несколько лошадей, имели большую запашку.

Реконструкция имущественного и производительного потенциала хозяйства крестьян в XVII в. усложняется фрагментарностью сведений. Приведенные ниже данные из дозорных и межвых книг XVII в. позволяют частично восполнить этот пробел. Так, в д. Киселевой Тобольского у.: «во дворе половника Ивашка Казанец с женою, пашни паханные середние земли четыре десятины в поле а в дву потому ж, скота у Ивашка две лошади, три коровы да четыре теляти, две свиньи...»; «...во дворе пашенного крестьянина Ивашки Микифорова дворенко загорожен жердьми, изба да хлевишко, сеяно ржи одна четверть да ярового посеяно в земли три чети да мяхкие земли зорано на одну четверть, скота у него одна лошадь да корова, бычок полугодовалый да жерновы на всех одне...»²⁸. Приведенные примеры позволяют сделать наблюдение, что уже на раннем этапе размеры обрабатываемой земли соотносились с количеством рабочего и продуктивного скота, что отвечало принципам функционирования стационарного трехпольного хозяйства.

Предприимчивым и трудолюбивым крестьянам за период пребывания «во льготе» удавалось накопить определенные сбережения, позволявшие расширять экономическую базу своего хозяйства. В целях получения дополнительного дохода среди крестьян практиковался обмен земельными наделами. Крестьяне, для которых прежний надел был недостаточен, за установленную плату обменивали его по договоренности на соседский, более крупный, если по каким-то причинам для прежних владельцев он оказывался непосильным²⁹. С начала XVIII в., ввиду притока переселенцев в Зауралье наметился рост малоземелья, что в свою очередь способствовало сокращению размеров пашенных наделов. По данным подворных описей по Тюменскому у. за 1720 г., средний размер земельного надела на семью из трех–пяти человек составлял от 15 до 18 десятин, в том числе под посевом было от 4 до 6 десятин (т.е. на одну ревизскую душу приходилось от 5 до 6 десятин)³⁰. К концу XVIII в. уровень обеспеченности пашней одного крестьянского двора в старозаселенных районах снизился в среднем до девяти десятин, на одну ревизскую душу приходилось до трех десятин. При этом размеры пашенных наделов в регионе были не одинаковы и колебались от 5 до 40 десятин на крестьянское хозяйство³¹.

Имущественное положение крестьян, уровень зажиточности хозяйств в условиях Зауралья в XVII–XVIII в. определялись целым рядом факторов: местоположением хозяйства, т.е. оптимальностью выбора места для его организации; размером первоначальных денежных накоплений и количеством привезенного имущества; численностью трудоспособных членов семьи; обеспеченностью хозяйства орудиями труда; размерами и внутренней сбалансированностью пашенных и сельскохозяйственных угодий; плодородием почв; психологией крестьян, их отношением к труду и т.д. Одним из способов первоначального

* По расчетам В.Н. Шерстобоева вес одной копны составлял 6 пудов.

чального накопления среди «оборотистых» крестьян была практика неоднократного пребывания «во льготе». После окончания льготного периода они оставляли прежнее тягло и тайно переезжали на новое место, где вновь заводили хозяйство на льготных условиях, несмотря на риск быть пойманными. Сыском таких крестьян занимались не только местные власти, но и крестьяне-поручители, на которых по условиям поручной записи перекладывалось тягло сбежавшего. В XVII – начале XVIII в. самым надежным вариантом спасения от сыска и расправы было переселение в районы, прилегающие к южной Иртышской оборонительной линии, где создавались земледельческие слободы³².

Другим прибыльным занятием предприимчивых крестьян был поиск земельных участков под «хозяйской завод» и возделывание их с целью последующей продажи новопоселенцам. Например, крестьяне Гилевы и Ульяновы из д. Гилевой Тюменского у. имели в своем хозяйстве «по несколько поставленников», т.е. наемных работников, которые занимались поиском подходящих мест для устройства земледельческих поселений и слобод³³.

К числу важных факторов, влияющих на рост зажиточности хозяйства, А.А. Преображенский относил старинный обычай *помочей*, который в страдную пору практиковали зажиточные крестьяне, чтобы вовремя управиться с сезонными полевыми работами³⁴. Росту доходов способствовал также слабый контроль фискальных служб, которые в условиях значительных земельных пространств Сибири были не в состоянии проследить соотношение между «государевой» (пашней, с которой платили налог – десятину государству) и «собинной» пашней, т.е. земельным наделом, который крестьяне обрабатывали для своих нужд. Как сообщалось в одной из наказных памятей воеводы П. Годунова от 1697 г., «...а иные крестьяне порозжились и пашни свои учали пахать сверх прежнего окладу многие, которому крестьянину довелось пахать окладу государева десятинная пашня десятина, а своей пашни довелось пахать против первого окладу пять десятин с полудесятиною, а иному пять десятин и те крестьяне пашут на себя своей пашни десятин по 10, а иные по 15 на человека и больше...»³⁵.

Наиболее выразительным показателем динамики имущественной дифференциации в государственной деревне Зауралья являлось образование торговой прослойки из среды крестьян, по своей инициативе занимающихся скупкой и сбытом на рынке сельскохозяйственной продукции. О.Н. Вилков фиксирует их появление в Сибири в конце XVII в.³⁶ При этом важно отметить, что вплоть до пореформенного периода товарность крестьянских хозяйств за Уралом носила условный характер, так как крестьянин не имел возможности самостоятельного сбыта продукции, ввиду слабо развитой рыночной инфраструктуры, отдаленности основной части сельских производителей от рынков. Официально деятельность сословно-податной группы торгующих крестьян была узаконена на основе указов 1714 и 1724 гг.³⁷ Такая возможность предоставлялась крестьянам, имевшим размер торговых операций не менее чем на 500 руб.³⁸

В условиях Зауралья основная часть торгующих крестьян совмещала занятие торговлей с ведением земледельческого или комплексного хозяйства. Что касается специализации крестьян на торговле, то в Сибири этот процесс получил широкое распространение в пореформенный период. По сведениям В.Н. Разгона, в Сибирской губернии в XVIII в. сословная группа торгующих крестьян составляла 10,6% от общей численности населения региона. По России же этот показатель составлял 2,9%³⁹. Однако трудно согласиться с мнением автора, что более высокий показатель по Сибири обусловлен интенсификацией товарно-денежных отношений. На наш взгляд, вплоть до второй половины XIX в., ввиду отсутствия в регионе регулируемого рынка, этот процесс имел локальное распространение – в районах, максимально приближенных к магистральным трактам и городам.

Несмотря на официальное упразднение в 1785 г. сословно-податной группы торгующих крестьян, в Сибири численность их из года в год возрастала. Торговые крестьяне брали подряды на поставку хлеба, скупали его в Ишимском и Ялutorовском уездах и везли продавать в Тобольск⁴⁰. Зажиточные крестьяне, занимающиеся скупкой хлеба, во время частых отлучек по торговым делам нанимали работников для выполнения полевых и других хозяйственных работ в своем хозяйстве.

Точное определение имущественного потенциала хозяйств усложняется позицией самих крестьян, которые преднамеренно утаивали реальные доходы от фискальных ведомств. В определенной мере устранить этот пробел позволяют документы из фонда Тюменской воеводской канцелярии XVIII в. по купле-продаже и изъятию имущества у крестьян в счет недоимок⁴¹. Судя по данным источников, средняя стоимость домовладения крестьян в начале XVIII в. составляла от 30 до 80 руб. Например, из купчей на продажу двора оброчного крестьянина Федора Афонасьева, жителя д. Переваловой Тюменского у., следует: «продал двор со всеми дворовыми строениями и с огородной зеленью и строения на том дворе изба с сеньми, против ее горница, двор в заплотах и с ворота да против двора два амбара а за тот двор взял денег Григорий Осипов 80 рублей...»⁴². Более полные сведения о потенциале крестьянского хозяйства в начале XVIII в. содержит опись, составленная в 1710 г. на предмет изъятия имущества в счет недоимок у Архипа Симахина из д. Воронино Тюменского у. Как следует из документа, у него «дворового строения изба черная с сеньми, против сень клеть. В избе образа Богородицы и Николая и других святых, на одном без оклада. Хомут коžený, хомутницкая шлея ременная, восемь десятков льну, скота лошадь шерсти рыжая, жеребенок шерсти вороной, корова чернопестрая, два теленка краснопестрых, два войлока шерстяных, кафтан серой суконный, топор, сукна белого 11 аршин, порты холщевые, сарафан кумашной, кафтан суконный ношенной, два мата пряжены, пашенные земли 10 десятин, не молочено хлеба в кладях три овина ярицы, половина овина овса...»⁴³. Общая стоимость имущества семьи Симахиных составляла 40 руб.⁴⁴ Несмотря на крупный пашенный надел – 10 десятин, соотносимый с параметрами зажиточного хозяйства, по общему состоянию жилых и хозяйственных построек, количеству тяглой силы и продуктивного скота, перечню имущества это хозяйство можно отнести к группе обедневших мелких хозяйств. Имущество Матвея Богданова (д. Онтропова Тюменского у. – *Н.Б.*), изъятное казной за долги, было оценено в 80 руб. Как следует из описи, «...дворового строения у него изба черная с сеньми 31 руб., против сений клеть, двор с заплотом 3 руб., пашенной земли 2 десятины, сенокосов на 50 копен, в избе три образа без окладов 50 коп., пожитка 17 десятков льна 5 руб., сошник один 1 руб. 50 коп., две свиньи белых, одна чернопестрая 3 руб., 12 куриц 50 коп., окорок свиной, две скобели (орудие для выделки кож. – *Н.Б.*) да три порося в ней 1 руб. 50 коп., скота жеребенок вороной породы 5 руб., корова краснопестрая 3 руб. 50 коп., прядена тонкая рубаха женская холщевая 80 коп., рукава крашенные синие женские 50 коп., порты холщевые 50 коп., рубашка ребячья холщевая 30 коп., два войлока шерстяные 3 руб., два безмена шерсти овечьей 2 руб., две подушки 1 руб., кафтан сермяжный серый 2 руб., котел медный красный 30 коп., рубашка мужская холщевая 1 руб., четыре аршина холсту тонкого 2 руб., рубашка женская холщевая 1 руб., платок холщевый накрывальной 50 коп., рукава холщевые женские 80 коп., полтора аршину холсту тонкого 50 коп., кокошник камчатой шит золотом 1 руб. 50 коп., чулки женские суконные зеленые 50 коп., зеркало хрустальное 1 руб...»⁴⁵. Учитывая, что семья Богдановых состояла из 5 человек, в т.ч. двоих детей «шти и десяти годов», в среднем на одного члена обедневшей семьи приходилось имущества по 16 руб., пашенной земли по 0,4 десятины.

Имущественное положение крестьян во второй половине XVIII в. можно проследить по подворным описям Тюменского у. за 1766 г., в которых приведены сведения о структуре крестьянского подворья, количестве обедневших крестьян, причинах «оскудения хозяйства»⁴⁶. Так, из 986 учтенных в уезде дворов неимущие составляли 77 дворов, т.е. 7,8%, в том числе по «старости» 3 двора, «по неурожению хлебов» 22 двора, «за неимением пашни» 29 дворов, по болезни 2 двора, «по скудости» 14 дворов, «по ленности и нерадению своему» 6 дворов, «лежит праздно» 1 двор⁴⁷. Как следует из описей, экономический базис хозяйств определялся по наличию и состоянию жилых и хозяйственных построек (новое, «пожилое», ветхое), размеру земельного надела, где фиксировалось количество пашни в залежи и под посевом. Приведем несколько примеров. Имущество семьи Андрея Вяткова, состоящей из 6 человек (жены, двоих взрослых сыновей 25 и 27 лет, брата хозяина 49 лет и племянника 19 лет), проживавшей в д. Брехановой, со-

ставляли «изба, сени, горница, клеть, сарай крыты драньем, малая изба, три хлева мшонных у двора амбар, все строение новое; пашенной земли 10 десятин, в посеве ржи 6 десятин...»⁴⁸. У крестьянина Мартемьяна Поздерина, проживавшего в д. Юшковой, имевшего семью из четырех человек (жену и двоих детей 17 и 13 лет) имелись: «изба, сени, клеть, сарай, горница крыты драньем, изба малая, у двора амбар и подвал, для скота 2 конюшни бревенчаты все пожилое, пашенной земли 10 десятин, в посеве 5 десятин, остальные отданы в каргом (в аренду. – Н.Б.)...»⁴⁹. У одинокого хозяина Ивана Кокорина, проживавшего в селе Малковцево, «изба, сени крыты дранью, сарай крыт соломой, а другога строения не имеет, а хотя которое и есть тоя все ветхое. Пашенной земли 6 десятин, в посеве ржи ничего не имеется за скудостью...»⁵⁰.

Последний пример показывает, что не всякое хозяйство, имевшее пашню, было хлебопроизводящим и наоборот, в отдельных дворах где «пашен не пашут», наличие хозяйственных и дворовых построек по количеству и добротности в ряде случаев соотносилось с уровнем зажиточного хозяйства. Максимальная обеспеченность жилыми и хозяйственными постройками прослеживается в хозяйстве И. Фомина из д. Золотой, который «пашни не пашет, а кормится работою своею а дворовых строений у него изба белая, горница, сарай, крыты драницей, малая изба, два хлева мшонные, у двора два амбара, подвал...»⁵¹. Для сравнения приведем сведения о состоянии земледельческого хозяйства Ф. Крылова из той же деревни (семья – жена, трое сыновей 30, 25 и 23 лет, родители 75 и 70 лет), у которого во владении имелись следующие строения: «изба белая, горница, сени, клеть, сарай, крыты драницей, малая изба, два хлева мшонных, у двора два амбара, пашенной земли 25 десятин, в посеве ржи 5 десятин...»⁵². Как видим, по имущественному положению хозяйство безземельного крестьянина И. Фомина практически не уступало земледельческому хозяйству Ф. Крылова.

Обработка данных подворных описей показала, что имущественное положение основной части хозяйств в Тюменском округе находилось на уровне среднего достатка, который определялся следующими показателями: «...горница, изба, сени, клеть, сарай, крыты драньем, хлев для скота, малая изба, два амбара, пашенной земли 10 десятин, в посеве ржи 4 десятины...»⁵³. В дополнение к сведениям о безземельном, но зажиточном хозяйстве И. Фомина, приведем данные о безземельном крестьянине А. Золотове, проживавшем также в д. Золотой, о котором известно, что он имел «...избу, горницу, сени, клеть, 2 сарая, 2 амбара мшонные, малую избу а пашен не имеет, кормится работою своею...»⁵⁴. Владелец двора Матвей Галактионов также «ходил для работы по деревням»⁵⁵. Эти примеры показывают, что не каждое безземельное хозяйство правомерно соотносить с недееспособным или бедным. Наряду с этим, в ряде бедных хозяйств зафиксировано наличие пашенных земель, которые не обрабатывались, «лежали впусте». Так, во дворе одинокого крестьянина Михаила Колмогорова «изба крыта соломой, у двора амбар, все строение ветхое, пашенной земли 6 десятин, в посеве ржи за скудостью своей не имеет»⁵⁶. В другом бедном хозяйстве Семена Мараксина, проживавшего с женой в д. Юшковой, «...изба, сени, клеть, сарай, хлев для скота, пашенной земли 3 десятины, в посеве ржи не имеется по нерадению своему»⁵⁷. Следует отметить, что в документе зафиксированы сведения о двух основных категориях населения уезда – крестьянах и разночинцах (бывших служилых людей). Причем, резких различий по имущественному положению между этими группами не прослеживается. В Тюменском у., где размер семьи колебался от двух до десяти чел., во второй половине XVIII в. площадь земельных наделов в одном дворе колебалась от минимальных 3-х до максимальных 48 десятин; под посевом находилось от двух до десяти десятин⁵⁸. Средний размер земельного надела по уезду составлял 17,6 десятин, под посевом находилось 4,5 десятины.

Отмеченное в документах соотношение пашенных земель и посевов указывает на практику залежно-парового хозяйства, которое предполагало длительное «забрасывание» участков пашни в залежь для восстановления естественного плодородия почв.

На экономическое состояние крестьянского хозяйства существенное влияние оказывали семейные разделы. По сведениям И.В. Власовой, разделы крупных семей на территории Западной Сибири практиковались уже в XVII в.⁵⁹ В целях увеличения числа тяг-

лых хозяйств власти нередко принуждали многосемейных крестьян к разделам. Например, в 1670 г. крестьянину Ивану Шестакову из д. Ивановской Тобольского у., который вел хозяйство совместно со своим братом, предписано было: «а пахать им порознь»⁶⁰. Однако разделы семей на данном этапе подрывали не только патриархально-натуральные устои крестьянского хозяйства. Во время раздела происходило основательное перераспределение всего имущества, «чтобы впредь не делиться и ссудою бескабально не ссужаться»⁶¹. Условия раздела фиксировались в «раздельной записи». Рост семейных разделов наблюдается во второй половине XVIII в. в связи с отменой государственной десятинной пашни (основной формы отработочной повинности) и взимания денежных налогов.

Другим мотивом семейных разделов было стремление крестьян избавиться от рекрутской повинности, так как община в первую очередь определяла в службу членов многодетных семей⁶². В тех селениях, где семейный раздел не регулировался сельским сходом, на начальном этапе он нередко служил причиной серьезного подрыва экономической стабильности крестьянского хозяйства. Поэтому в дальнейшем община и государство противились семейным разделам. Что касается крестьян, то среди причин семейных разделов они называли тесноту жилища, несогласие между старшими и младшими членами семьи, как выражались в те времена, «вследствие непокорения» и т.д.⁶³

По данным А.В. Чаянова, семейные разделы в Европейской России в первые годы самостоятельного хозяйствования также приводили к ослаблению экономической силы хозяйств⁶⁴. Дальнейшее развитие отделившихся семей зависело от того, в какую экономическую группу вливалось это новое звено. Автор различал три основных группы: сохранивших ту же посевную площадь; увеличивших посевную площадь; уменьшивших ее. В условиях Сибири основная часть отделившихся хозяйств в период их становления относилась к группе уменьшивших посевные площади, так как в условиях высокой обеспеченности землей необходимо было нарастить необходимый производительный потенциал. В последующем у этой группы хозяйств прослеживается стабилизация и экономический рост.

Имущественная дифференциация крестьян зависела от динамики арендных отношений. В Зауралье аренда и заклад земли получают широкое распространение в XVIII в. В документах сдача личных («собинных») земельных наделов именовалась: *заклад, картом*; в случае аренды государственных земель – *оброк, оброчная статья*. Плата за аренду одной десятины пашни в конце XVIII в. колебалась от 15 до 80 коп. в год⁶⁵. В этот период казенные оброчные статьи (одна из форм платежей государству) включали пашню, сенокосы, рыболовные угодья, озера, реки, мельницы, «хмелевые щипанья», «бобровые гоны». Эти угодья сдавались всем желающим за незначительную плату, что создавало равные стартовые возможности для реализации предпринимательской инициативы в крестьянской среде.

Во второй половине XVIII в. в связи с отменой натуральных повинностей в зоне рискованного земледелия наблюдался отход части крестьян от хлебопашества. Крестьяне-отходники, не освобожденные от тягла, сдавали свои наделы в аренду в основном на условиях выплаты казне годового денежного налога. Основными субъектами в арендных отношениях выступали, с одной стороны, обедневшие хозяйства, отходники и переселенцы; с другой, – государство и зажиточные крестьяне-старожилы. Как правило, казенные земли арендовали зажиточные крестьяне на условиях субаренды, т.е. сдачи уже арендованных у казны земель переселенцам по более высокой цене, получая от этой сделки основную прибыль. Развитие субаренды имело наиболее широкое распространение в районах активного притока переселенцев. Бедные крестьяне арендовали казенные земли на долевых условиях «в складчину», как правило для «мельнишного дела», рыболовства и сенокосения. В старожильческих районах стационарного земледелия арендные отношения способствовали постепенному перераспределению земельного фонда в пользу зажиточных хозяйств, специализировавшихся на земледелии.

При рассмотрении вопроса о влиянии наемного труда на имущественное положение крестьян важно выделить два аспекта. Во-первых, сезонный найм служил источником дополнительного дохода для малоимущих категорий старожильческого населения и пе-

реселенцев, особенно в период жатвы; во-вторых, динамика спроса и предложения определяла географию рынка наемного труда, его перемещение в ту или иную местность. Практика привлечения наемных работников отмечена уже на раннем этапе хозяйственного освоения региона. Первые сведения о найме историки датируют XVII в.⁶⁶ Наиболее распространенной формой заключения трудовой сделки между наемным работником и работодателем был устный договор, порядные и подрядные записи⁶⁷. В XVII в. оплата труда наемным работникам за сезон колебалась от 2 до 10 руб. Основной резерв для формирования рынка наемной рабочей силы составляли гулящие люди, захребетники, бобыли и другие группы переселенцев, «прибранные» из Европейского Севера. Например, тюменский пашенный крестьянин Сила Чувашев привел «с собою с Руси в Сибирь на Тюмень своих наемных людей»⁶⁸. Однако, если в XVII – начале XVIII в. практика найма преобладала в среде служилых людей, которые ввиду частых отлучек нанимали работников для обработки своих пашен, то во второй половине XVIII в., как сообщает Н.А. Миненко, наемный труд получил широкое распространение среди крестьян⁶⁹. В категорию наемных работников, кроме обедневших крестьян, попадали беглые и ссыльные. Но самую многочисленную группу наемных работников составляли переселенцы. Следует отметить, что в условиях разряженной демографической ситуации многоземельные крестьяне испытывали большую потребность в дополнительной рабочей силе, что определяло высокие тарифы на наемный сезонный труд, особенно в период уборки урожая. В таких условиях малоимущий переселенец получал возможность дополнительного заработка для организации своего хозяйства. Активизации процесса имущественного расслоения в государственной деревне Зауралья способствовал указ 1782 г. об отмене государственной десятины и введении денежной повинности, что инициировало включение крестьян в торговые отношения.

Проследивая процесс имущественного расслоения сибирских крестьян, можно предположить, что к концу XVIII в. в государственной деревне Зауралья сложилось три основных группы дворохозяев – неимущие (недееспособные), бедные (мелкие) и среднего достатка. Судя по документам, параметры хозяйств определялись составом семьи и числом рабочих рук в ней, состоянием жилых и хозяйственных построек, наличием пашенных и сенокосных угодий, количеством скота. Например, недееспособное хозяйство определялось по следующим признакам: «двор пуст, пашни и покосов нет», «двора нет», «умер в великой скудости», «строения не имеет, кормится мирских людей рукою»⁷⁰. Подобные сведения о неимущих находим и в документах XVIII в. из фонда Тюменской воеводской канцелярии: «во дворе Данилка Нестерова из деревни Салаирка никакая строения не имеется, кормится миром»⁷¹. Таким образом, термин «неимущие» в официальной документации употреблялся по отношению к тем крестьянам, которые либо не имели своего двора и земельного надела, либо строение было «ветхое за скудостью». Средства к жизни эта категория населения добывала поденным наймом, случайными заработками или сбором подаяний.

Далее рассмотрим параметры бедного (мелкого) хозяйства. В отличие от группы «неимущих», оно определялось как хлебопроизводящее и налогоплательское, способное удовлетворять внутренние потребности семьи. При этом возможность воспроизводства носила эпизодический характер. Для примера приведем следующую запись о жителе из д. Антроповой Тюменского у.: «у Миня Петухова дом есть, скуден, пашни пашет три десятины, а платит подушные деньги сам...»⁷². Экономический базис бедного крестьянского хозяйства во второй половине XVIII в., как показывают обобщенные данные подворных описей по Тюменскому у., определялся следующими параметрами: пашни от 2 до 5 десятин; рабочего скота два–три головы; продуктивного скота четыре–шесть голов; мелкого скота шесть–десять голов⁷³. В Европейской России такие показатели определяли экономический базис хозяйства средней зажиточности⁷⁴.

Имущественное положение хозяйства среднего достатка в Зауралье характеризуется способностью к воспроизводству, уплате налогов, обеспечению внутренних потребностей семьи и частичной поставке излишков продукции на рынок. Показатели по этой

группе хозяйств колебались от пяти до десяти десятин пашни, пять–семь голов рабочего скота, три–десять голов продуктивного скота, 10–15 голов мелкого скота⁷⁵.

Таким образом, на территории Зауралья в районах компактного оседания земледельческого населения в XVII–XVIII вв. шел активный процесс наращивания имущественного и производительного потенциала крестьянских хозяйств. Наряду с другими факторами, этому способствовали стимулирующие меры властей по созданию за Уралом государственной вотчины (земельного фонда казенного ведомства), земельный простор и предпринимательская инициатива переселенцев. Тенденции имущественного расслоения в государственной деревне наблюдаются уже в первое десятилетие XVII в. Следующий этап его прослеживается со второй половины XVIII в. В большей степени это было характерно для районов, прилегающих к трактам и городам, где предприимчивые крестьяне самостоятельно осуществляли сбыт продукции, что способствовало росту зажиточности хозяйств. Иная ситуация складывалась на периферии. Ввиду слабых связей с рынком имущественное расслоение проходило здесь в условиях преобладания натуральных типов хозяйств и охватывало незначительную часть населения. В целом, социальная среда государственной деревни в конце XVIII в. по имущественному положению была в значительной степени однородной, с преобладанием группы средних воспроизводящих хозяйств.

Примечания

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1; Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: землевладение, землепользование, производство, менталитет // Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2000.

² Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1967. С. 3–42.

³ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 214. Кн. 3, 4, 5; Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (далее – ТГИАМЗ). Фонд рукописей. Контрольная папка (далее – К.п.) 12863.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 537. Л. 15 об.

⁵ Там же. Кн. 3. Л. 76–180 об.

⁶ ТГИАМЗ. Фонд рукописей. К.п. 12863.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 156.

⁸ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1983. С. 401.

⁹ Материалы для истории города XVII–XVIII вв. М., 1885. С. 80.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² РГАДА. Ф. 214. Кн. 3, 5.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Кн. 537. Л. 15 об.

¹⁵ Миненко Н.А. Крестьянская семья русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1978. С. 89.

¹⁶ Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях. СПб., 1894. С. 428.

¹⁷ Тобольский филиал государственного архива Тюменской области (далее ТФ ГАТО). Ф. 147. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–53.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 17. Л. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Крестьянское землепользование и хозяйство... С. 188.

²² РГАДА. Ф. 214. Кн. 3. Л. 76–180 об.

²³ Там же. Кн. 7. Л. 110–115 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Кн. 3. Л. 76–180 об.

²⁶ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. I. Иркутск, 1949. С. 360.

²⁷ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956. С. 15.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1086. Л. 11–13.

²⁹ Там же. Л. 86.

- ³⁰ Государственный архив Тюменской области (далее ГАТО). Ф. И-45. Оп. 1. Д. 67. Л. 1, 81; Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5337. Л. 1–63 об.; Д. 557. Л. 173 об.
- ³¹ Там же. Ф. И-47. Д. 5337. Л. 1–65 об.
- ³² Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI–XIX вв. Тобольск, 1997. С. 51.
- ³³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1320. Л. 341.
- ³⁴ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 296.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1480. Л. 226.
- ³⁶ Вилков О.Н. Социально-экономическое развитие Сибири в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 272.
- ³⁷ Разгон В.Н. Торгующие крестьяне в Сибири XVIII – первой половины XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 23.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Материалы по экономическому быту государственных крестьян и инородцев Тобольской губернии. Вып. 1. СПб., 1888. С. 73.
- ⁴¹ ГАТО. Ф. И-45. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 32. Л. 234 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 234 об.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5337. Л. 1–63 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 1.
- ⁴⁸ Там же. Л. 1 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 3.
- ⁵⁰ Там же. Л. 34 об.
- ⁵¹ Там же. Д. 1030. Л. 1–26.
- ⁵² Там же. Л. 8.
- ⁵³ Там же. Л. 6.
- ⁵⁴ Там же. Л. 7.
- ⁵⁵ Там же. Л. 8.
- ⁵⁶ Там же. Л. 8 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 10.
- ⁵⁸ Там же. Д. 5337. Л. 1–63 об.
- ⁵⁹ Власова И.В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Сов. этнография. 1980. № 3. С. 41.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 619. Л. 497 об. – 498.
- ⁶¹ Власова И.В. Указ. соч. С. 21.
- ⁶² ТФ ГАТО. Ф. 332. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–2.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Чаплов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 420.
- ⁶⁵ Русакова Л.М. Сельское хозяйство среднего Зауралья на рубеже XVIII–XIX в. Новосибирск, 1976. С. 108.
- ⁶⁶ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 291.
- ⁶⁷ Там же. С. 300; РГАДА. Ф. 214. Кн. 535. Л. 917–918 об.
- ⁶⁸ Мищенко Н.А. Указ. соч. С. 80.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 7. Л. 3; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 557. Л. 3; Там же. Д. 5337. Л. 1–63 об.
- ⁷¹ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 557. Л. 10 об.
- ⁷² Там же. Л. 173 об.
- ⁷³ Там же. Д. 5337. Л. 1–63 об.
- ⁷⁴ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 190.
- ⁷⁵ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 5337. Л. 1–65 об.

N.A. B a l i u k. Economic Status of the State Peasants during the XVIIth – XVIIIth cc.

The development of of Trans-Urals peasant economy is the object of the article. Factors, influencing the peasants' economy growth are described, the most essential among which were central government policy, free lands availability and other conditions, stimulating peasants' economic activities.